

Культ крестовых гор в Трехречье*

А. П. Забияко¹, А. А. Забияко¹, Чжан Жуян²

¹ Амурский государственный университет,
Российская Федерация, 675027, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21

² Северо-Китайский университет гидрологии и мелиорации,
Китайская Народная Республика, 450045, Хэнань, Дженджоу, Норф Ринг Роад, 61

Для цитирования: Забияко А. П., Забияко А. А., Чжан Жуян. Культ крестовых гор в Трехречье // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 3. С. 536–549. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.314>

На протяжении всей истории горные ландшафты участвовали в формировании в сознании образов реальности. Горы — константа человеческого бытия, их образ — универсалия сознания. Одним из выражений этой данности являются религиозно-мифологические представления о горах и связанные с ними практики. Статья посвящена культу поклонных гор, существующему в среде православных верующих русского Трехречья. Русским Трехречьем принято называть район компактного проживания русских, расположенный в Китайской Народной Республике. Статья основана на материалах полевых исследований авторов (2015–2019 гг., Северо-Восточный Китай). В духовной культуре русского населения региона сохраняются религиозно-мифологические представления о святых горах. В сакральной топографии Трехречья насчитывается семь святых гор. На каждой святой горе установлены православные кресты. Поэтому эти горы называются также *крестовыми* горами. Современные русские жители поднимаются на крестовые горы по некоторым православным праздникам. Посещение крестовых гор является почти обязательным на Вознесение — один из двенадцатых праздников православного календаря. Этот обычай глубоко укоренен в культуре трехреченцев в качестве важного наряду с Пасхой и Рождеством события религиозной жизни. Нередко на крестовые горы верующие поднимаются при болезни, несчастье, засухе, чтобы помолиться об избавлении от беды. Китайские власти не препятствуют почитанию крестовых гор и совершению на их вершинах священнодействий. В Трехречье коллективные ритуальные действия на крестовых горах непротиворечиво для русских и китайских жителей вписаны в религиозный синкретизм, в котором соединены традиции русской и китайской народной религии. Почитание поклонных гор и отправление там ритуалов является одной из основ сохранения русскими своей этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: Китай, Россия, Трехречье, русские, китайцы, культ горы, православие, народная религия, этнокультурная идентичность.

Петролатрия и культ гор

Одной из древнейших форм религии является почитание камней. Вера и практики почитания камней определяются понятием «петролатрия» (от греч. πέτρα — «камень, скала»; latreia — «поклонение»), денотатом которого выступает

* Исследование выполнено при финансовой Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в рамках реализации научной темы FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6.

широкое многообразие форм почитания каменных объектов. Формы, породы, размеры камней, являющихся объектом петролатрии, крайне разнообразны — от маловыразительных галек до драгоценных пород, от мелких камешков до скал и гор.

Первые признаки особого отношения к камням появляются в палеолите, возможно, среднем; в верхнем палеолите эти признаки отчетливо присутствуют в образцах личных украшений и других неутилитарных каменных изделий, в манупортах и т. д. Для многих человеческих популяций периода верхнего палеолита горные ландшафты были естественной средой обитания. Для большей части неолитического населения они сохранили свое значение основной экосистемы. Важное положение гор в жизнеобеспечении людей находило выражение в религиозно-мифологических представлениях и культовых практиках. По мере формирования земледельческих цивилизаций, расположенных главным образом в равнинных ландшафтах, горы сохраняют важное место в картинах мира. Горные рельефы выступают источником ярких образов и сюжетов для воображения, которое окружает реальные горные массивы ореолом чудесного, создает вымышленные горы, превращая их в центры мироздания, обители богов и святых, рай для праведников. Эпоха индустриальных обществ не отменила существование религиозно-мифологических представлений о горах как средоточии чудесного могущества — «местах силы», вершины которых соединены с неземными пространствами. Постиндустриальный, информационный XXI век лишь добавил новых красок во вдохновляющую человечество интуицию о том, что «лучше гор могут быть только горы».

Горы относятся к природным объектам, образующим пространственную среду обитания человека (горы, равнины, водоемы, небо и т. д.), и, следовательно, систему первичных пространственных координат и действий (верха и низа, восхождения и нисхождения). На протяжении всей истории горные ландшафты, присутствовавшие на пространстве ойкумены, участвовали в формировании в сознании образов реальности, способов их категоризации и метафоризации. Очевидно, что не только когнитивные, но также эмоциональные составляющие коллективной психики отражали в своем функционировании присутствие горных ландшафтов. Горы влияли на базисные эмоции, на уровне которых возникали и закреплялись типичные реакции эмоционального восприятия гор (страха и восхищения, притяжения и отталкивания и т. д.).

На глубинные общечеловеческие ментальные структуры в разных исторических контекстах существования людей воздействовали, разумеется, связанные с горами социальные факторы, обуславливавшие вариативность описания гор в разных культурах. Вариативность вносила специфику и противоречия, но не отменяла главное.

Главное заключается в том, что горы — константа человеческого бытия, а их образ — универсалия сознания. Одним из выражений этой данности являются, как отмечено выше, религиозно-мифологические представления о горах и связанные с ними практики. Практически во всех религиозно-мифологических системах присутствуют образы реальных гор или символические, метафорические их репрезентации. Горы и их когнитивно-эмоциональные проекции в коллективной психике являются одним из факторов формирования базисных интенций, которые выступают предельными основаниями религии [1].

Теологическому, философскому, антропологическому, фольклорно-этнографическому, религиоведческому раскрытию темы гор посвящен огромный массив публикаций. Объектом их описания являются родовые, шаманские, священные, поклонные и иные религиозно значимые горы, а также связанные с ними представления и практики разных народов. Наша статья посвящена культуре поклонных (крестовых) гор, существующему в среде православных верующих русского Трехречья. Статья основана на материалах полевых исследований, проведенных в 2015–2019 гг. в Северо-Восточном Китае в районе компактного проживания православных русских.

Русское Трехречье

Трехречьем принято называть расположенный в КНР на западных склонах хребта Большой Хинган район, охватывающий бассейн трех притоков реки Аргунь — Гана, Хаула и Дербула. Административно этот район ныне включен в границы Автономного района Внутренняя Монголия. Ранее ту территорию, на которой он находится, часто называли Маньчжурией. Русским Трехречьем район именуется в мемуарных, публицистических и научных российских изданиях потому, что со середины XIX в. до середины XX в. он был населен преимущественно русскими жителями, переселившимися сюда из России по экономическим, политическим и иным причинам. После образования КНР численность русских постепенно снижалась в результате добровольного или вынужденного исхода, демографических процессов, межэтнических браков и других факторов. В настоящее время в Трехречье практически не осталось жителей, у которых русскими были бы оба родителя. Основную часть некитайского (неханьского) населения составляют потомки межэтнических браков (преимущественно русских женщин и мужчин-китайцев). Ныне насчитывается три поколения людей, родившихся в межэтнических браках. Многие из них называют себя русскими или «полукровцами», сохраняют русскую идентичность, демонстрируют ее в языке, бытовой и праздничной культуре, принадлежности к православию, в других формах личной и общественной жизни.

Исторические, политические, этнические, культурные, религиозные аспекты жизни русского Трехречья раскрыты в ряде публикаций авторов, а также Я. В. Зиненко, участницы полевых исследований [2–4]. Среди других российских публикаций теме статьи близки труды Ю. В. Аргудяевой и в особенности В. Л. Кляуса, чьи результаты опираются на систематические полевые сборы и включают богатый материал по этнографии и фольклору русских трехреченцев [5; 6].

Поклонные горы в православной культуре русского Трехречья

Религиозность русских Трехречья в своей истории связана с православием в тех региональных формах, которые оно имело в Восточной Сибири, Забайкалье. В дореволюционных основанных русскими деревнях отдельно и смешанно проживали как последователи Русской православной церкви, так и старообрядцы (поповцы и беспоповцы). По мере прироста в деревнях китайского населения (прежде всего из Шаньдуна) возрастала доля китайских верований и практик. В межэтнических браках, где женщина была почти всегда русской, а мужчина — китай-

цем, формировался религиозный синкретизм. Важное место в этом синкретизме занимали религиозные представления и обряды, укорененные в дохристианской культуре русских и в китайских традициях, бытовавших вне «саньцзяо» (даосизма, конфуцианства и буддизма). Как в прошлом, так и в настоящем в силу слабости религиозных институтов (особенно после образования КНР) религиозность русского населения, потомков межэтнических браков носит в значительной мере внеинституциональный характер. Она в большей степени относится к состоянию, которое определяется понятием «народная религия» или «вернакулярная религия» [7]. В ее основе лежит индивидуальная религиозность наиболее авторитетных верующих — прежде всего «старушек», а организационной структурой выступают их неформальные связи, образующие деревенскую общину. Русская православная церковь в ее официальных институтах (приход в Лабдарине и др.) не играет определяющей роли в религиозной деятельности православных русских в Трехречье [2].

В восточнославянской дохристианской культуре существовало религиозное отношение к скалам, камням, возвышенностям как к особым местам. Ярким примером тому служит фольклорно-мифологический образ Алатырь-камня, который «всем камням отец», центр мира и средоточие необыкновенной силы. Славяне прилагали качество святости к возвышенностям — в славянской топонимике название «святые горы» широко распространено. Археологические и фольклорные данные указывают, что многие славянские культовые центры находились в гористой местности, на вершинах холмов или на высоких участках речных берегов [8, с. 20–31; 9]. Православие не отменило традицию выделения гор в качестве сакральных мест, напротив, обогатило ее христианскими образами и сюжетами. Культ гор в Китае уходит к истокам цивилизации и образует одну из основ китайской ментальности.

В духовной культуре русского населения Трехречья религиозно-мифологические представления о святых горах органично соединились с образом окружающего пространства — горно-таежными и горно-степными ландшафтами западных склонов хребта Большой Хинган. Особенностью религиозного сознания трехреченцев является почитание крестовых гор и связанные с ним праздники, обрядовые практики установления поклонных крестов, выпечки ритуальных хлебов и др.

Крестовые горы — это возвышенности, на вершине которых установлен крест или несколько крестов. Всего по нашим данным¹ и сведениям других исследователей в Трехречье насчитывается семь крестовых гор, являющихся объектами религиозного культа [10, с. 269; 11, с. 102–107]. Кресты бывают деревянные и металлические, высотой около 1 м, их основание углублено в землю, со всех сторон обложено небольшими камнями, увешано «пéленами» (лентами цветной ткани).

Очевидно, что истоки культа крестовых гор находятся за пределами Трехречья. Жители русских деревень вспоминают о том, что эти кресты на сопках были установлены очень давно, еще до той поры, как русские начали свой массовый исход из Китая после 1949 г. Когда пришла «культурная революция» и хунвейбины развернули активную деятельность по искоренению традиционного облика трехреченских деревень (разрушали церкви, уничтожали иконы и книги, сдирали с окон ставни и т. д.), эти кресты не были полностью уничтожены — возможно, потому что были расположены вдалеке от деревни, возможно — потому, что к ним у китай-

¹ Здесь и далее в статье использованы полевые материалы авторов, место сборов — Русская национальная волость, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР, 2015–2019 гг.

цев было особое отношение. Миновали бедствия «культурной революции», и «после разрушения церквей и часовен в бывших русских трехреченских селах, видимо, эти горы стали для православных потомков русско-китайских браков, никуда не уехавших отсюда, своеобразными храмами под открытым небом» [11, с. 150]. Согласно представлениям русских, «Бог там тоже есть, смотрит, наверное, слушает, наверное...».

После реформ Дэн Сяопина, приведших к постепенной нормализации русско-китайских отношений и либерализации религиозной политики, культ крестовых гор снова обрел привычное место в религиозной жизни трехреченских русских. Старые («мамины») кресты ветшают, к ним добавляются новые, устанавливаемые по обету верующими.

Три крестовые горы расположены рядом с деревней Караванной (Эньхэ). Родившаяся в русско-китайском браке местная жительница Анна Первоухина (Чжу Юйхуа, 1953 г. р.) рассказывает о двух из них — Вознесенской и Петровской: «Раньше мужики какие-то ставили [кресты на Вознесенской горе], это дождь просят, а в Петров день — на ту сопку [Петровскую] подымаца. Я туда хожу и всюду хожу. Там четыре креста [на Вознесенской горе]. Это которы болели, хворали — потом крест ставили. У нас парень [сын] второй хворал, он [Иван, муж собеседницы], сделал крест вот, занесли, поставили [на Петровской горе]. Теперь каждый год ходим, молимся, просим. Он ходит, я хожу. Сюды на Вознесенье вроде как ходим, я забываю эти русские праздники, а туды в Петров день ходим. Эти ленты как будто пёлены, сюды тоже носим, они сняли много, уж совсем уж грязные — сняли много. Потом закопали, я говорю: “Не надо копать, надо сжечи”. А там, на могиле, кладбище наше, и там, на могиле, где цветков много, они соберут все и домой все привезут, там у них печи топят, там все сожгут. На Родительский день будем убирать, там рабочи, они сами уберут, казна. Мы все уберем, складем, придавим, они приедут, уберут, там увезут, сожгут. Убирать надо, каждый сам свою могилу». Под «казной» здесь подразумевается местная администрация, а под «рабочими» — ее сотрудники.

Потомки русских трехреченцев поднимаются на крестовые горы по некоторым православным праздникам и когда возникает нужда в молитве — при засухе, болезни, несчастьях. «Это на гору ходят, там обед полóжить, надо на проповедь ходить, надо отвечать же. Это ветки полóжь, я не могу точно сказать. А на проповедь обязательно, там дите хворает, или что ли, обед полóжь. Я буду три года ходить на гору. Три года. Но три года ходи!» Иван Дементьев (Го Фугуй, 1945 г. р.), житель Караванной, чьи бабушка и мама русские, а бабушка и отец китайцы, под «проповедью» подразумевает молитву, а под «обедом» — съестное дароприношение.

Китайская исследовательница Ши Чуньли в 2004 г. наблюдала в деревне Ключи (Линьцзян) обряд моления о дожде, который совершали местные потомки русских трехреченцев в период изнурительной засухи. На сопке у поклонного креста собрались несколько русских женщин. Они окропили крест и тех, кто пришел вместе с ними, водой из бутылок, произнося: «Дождь идет, дождь идет». После этого они встали на колени и поведали о засухе Богу. Далее женщины стали молиться, причитая и плача о ниспослании дождя. Оставшейся водой участницы обряда брызгали встречных прохожих. Вернувшись в деревню, женщины организовали застолье, которое сопровождалось плесканием водой. Действо повторялось на протяжении

трех дней с участием 35 женщин и 6 детей. Мужчины в обрядовых действиях участия не принимали, судя по расспросам исследовательницы, — по причине неверия в их результативность. Дождь вскоре пошел, но мужчины данное явление объяснили совпадением [12, с. 17; 13, с. 138–139].

Посещение крестовых гор является почти обязательным и привлекает большое количество людей на Вознесение — один из двенадцатых праздников православного календаря. Этот обычай глубоко укоренен в культуре трехреченцев в качестве важного наряду с Пасхой и Рождеством события религиозной жизни. Он имеет свои локальные культовые и религиозно-мифологические особенности. Распространен в трехреченской среде нарративов о явлении на Вознесение местным жителям Христа. Содержательно он раскрыт в собранных В. Л. Кляусом текстах легенд и легендарных быличек:

Оне что-то говорят Иисус Христос по земле ходит, спущатся, гыт, ходит. Потом от до Вознесения.

Потом на Вознесенье-то на гору потом ходят на эту. Я не знаю-ка. Мы вот так от. Нам как сказали, мы так и делаю [6, с. 225].

Мы раньше <...> на сопку, на Вонсеня на сопку ходили. Мы с ей двою. В три часа мы пошли туда. А потом один человек спускается. Спускается. А потом мы поднялись — и он тоже там. А мы думали — это русская, Шурка тут был. Мы думали — он. <...>

Но уже рассветало, рассветало уж. Мы потом говорим:

— Садитесь!

А вглянули — его нету. <...>

Оне говорят — Иисус Христос-та. Потом эта на сопку подыматся, по небу подыматся. Мы потом лесницу из хлеба, лестницу делаем. Утащили, туда ее поставили лестницу эту [6, с. 229, 230].

Своеобразным пластом религиозного сознания трехреченских русских являются идеи и легендарные сюжеты о связи крестовых гор с «последними временами» и идеей Страшного суда. Они нашли отражение в фольклоре: «Но, говорят — там вода. Правда — нет. Не знаю. <...> А говорят — сопка лопнет. <...> Все утопит» [6, с. 228, 229].

Местное китайское население в праздничные и будние дни также совершает восхождение к поклонным крестам. Почитание священных гор, сооружение там алтарей, подъем на вершины ради молитв и жертвоприношений органично укладываются в китайской ментальности в культ гор. Не только Тайшань и другие священные горы, но и любые близлежащие возвышенности — притягательные объекты для китайцев всех возрастов, от малышей до согбенных старичков. Кто-то поднимается на гору по религиозным мотивам, кто-то — в целях укрепления здоровья и отдыха. Путешествие к горам, восхождение на гору — популярнейший в Китае вид внутреннего туризма.

Китайские власти не препятствуют посещению крестовых гор и даже принимают участие в праздничных культовых практиках. В этих действиях заключены не только политическая установка на признание официальных религий и прагматическая идея поддержки внутреннего этнотуризма, но также проявление религиозного синкретизма: в молитвах на горе китайские чиновники видят возможное подспорье в обеспечении урожая дождем и в прочих делах, нужных для земной жизни.

Что лежит у истоков трехреченского культа поклонных гор с крестами на вершине?

Китайские ученые высказывают предположение о связи культа крестовых гор с религиозными традициями монголов, дауров, тунгусов, в среде которых существует поклонение *обо* — культовым сооружениям, представляющим собой груду камней, на вершине которой установлена ветка, увешанная цветными лентами. Согласно данной точке зрения, переселившиеся в Трехречье русские переняли эту культовую практику, заменив ветку крестом [14, с. 269]. Другой версией происхождения культа является суждение о том, что русская дохристианская религиозная культура включала в свой состав шаманские верования и практики: они существовали в «верованиях древних русичей, предков современных русских», сохранились после принятия православия и привели к появлению крестовых гор и крестов, обвитых пеленами [13, с. 134–145]. Оба объяснения нельзя признать обоснованными.

В. Л. Кляус убедительно показывает связь этого культа с забайкальскими традициями православных русских [11, с. 131–161].

Забайкальская традиция имела свою длинную предысторию. Практика возведения изготовленных из дерева, камня или металла крестов за пределами церковных стен и кладбищ известна на Руси со времени появления христианства. Данная практика никогда не имела специального догматического обоснования и канонического устава, что обусловило ее локальную и функциональную вариативность. Священники и миряне по личной воле ставили кресты на месте сносимых языческих святилищ, будущих церквей, на господствующих высотах, островах, вдоль дорог и в иных местах. Крест обозначал особый статус пространства — его святость, связь с памятными событиями — общественными или личными, его пограничное положение и т. д. Крест мог выражать идеи торжества православия в данной местности, свершения воли Бога, молитвенной просьбы, ее исполнения и другие христианские побуждения, связанные с поклонением Богу, просьбами о защите от видимых врагов и невидимой нечисти. В русской традиции условно выделяют обетные, памятные, охранные, придорожные, навигационные и другие поклонные кресты. Везде, где была укоренена традиция возведения поклонных крестов — в центральных регионах России или Малороссии, на Русском Севере и в Забайкалье, — ее сопровождали местные особенности, например использование ритуальных полос ткани [15–18]. В Трехречье до «великой культурной революции» были поклонные кресты, поставленные по разным поводам, например для почитания памяти погибших казаков отряда Пешкова.

Празднование Вознесения в 2019 г. на Вознесенской поклонной горе в деревне Караванная

В 2019 г. празднование Вознесения пришлось на 6 июня. По сложившемуся обычаю, православный праздник должен был включать обряды на одной из близлежащих крестовых гор.

Среди бывших русских деревень Трехречья ныне выделяется деревня Караванная (Эньхэ). До пограничной реки Аргунь и стоящего на российском берегу села Олочи Нерчинско-Заводского района Забайкальского края от нее около 60 км. До начала 1950-х годов деревня была населена русскими и китайцами, небольшую

долю составляли потомки от русско-китайских браков первого поколения. По мнению А.М. Кайгородова, китайское население численно преобладало [19, с. 141], полученные нами от информантов данные указывают на преобладание русских. В 1950-е годы значительная часть русского населения выехала в Россию или в другие страны. В деревню были переселены нерусские семьи (монгольские и китайские). Однако деревня сохраняла свой русский состав и облик (внешнее и внутреннее убранство домов, кладбище с православными крестами, традиционный тип земледелия и скотоводства и т.д.). Во второй половине 1960-х годов оставшиеся русские и «полукровцы» подверглись жестким репрессиям, многие прошли через аресты, издевательства и тюрьмы, некоторые погибли. За последние 30 лет ситуация значительно изменилась в лучшую сторону. С начала 2000-х годов власти начали поддерживать проявления русской самобытности во внешнем облике жилых домов, гостиниц, музея, в кухне и праздничной культуре, в других формах. «Русскость» стала туристическим брендом Караванной. С 2011 г. Караванная является центром Русской национальной волости. Здесь живет фактически около 1,5 тыс. жителей, примерно треть которых во втором и третьем поколении межэтнических браков по-прежнему считает себя русскими или помнит о своих русских корнях. Во внешнем облике многих жителей явно присутствуют восточнославянские антропологические признаки.

Рядом с деревней Караванной находится, как указано выше, три поклонных горы с крестами. На Вознесение главной становится Вознесенская гора, расположенная в 3 км от западной окраины деревни за рекой Хаул. Гора выделяется среди других окружающих возвышенностей размерами и высотой. У подножия и по склонам она покрыта редкими невысокими деревьями и кустарником, ближе к вершине остается только травяной покров. На горе установлены четыре креста — один металлический восьмиконечный и три деревянных (два восьмиконечных и один шестиконечный).

Авторы статьи, накануне праздника приехавшие в Караванную, приняли участие с согласия русских верующих в обрядовых действиях. За время предшествовавших экспедиций между авторами и многими местными жителями сложились открытые и дружеские отношения, что минимизировало барьеры в общении и включенном наблюдении. 5 июня участники экспедиции во второй половине дня поднялись на Вознесенскую гору. Какие-либо приготовления к предстоящему ритуалу отмечены не были.

6 июня на заре, около 5 часов утра, русские и китайские жители начали стекаться к подножию горы и, собравшись группами или поодиночке, подниматься. Всего к началу церемонии прибыло около 30 человек. Позже присоединилось еще около 15 человек. Преимущественно это были женщины старшего и среднего возраста, но присутствовали и молодые девушки. Мужчин было не более десяти, почти все — старшего и среднего возраста. Многие в руках, кроме сумок, несли ведра с водой. По мере движения вверх люди поднимали со склона небольшие камни. На вершине укладывали принесенные снизу камешки и ведра близ основания крестов. Затем женщины вязали на кресты ленты из легких тканей шириной около 30 см и длиной около 1 м преимущественно белого, красного и синего цвета. Под крестами раскладывали принесенные дары. Дары-подношения включали выпечку и другую снедь (колбасу, яйца, копченый тофу), дорогие сезонные фрукты (манго,

хурму, нектарины, персики и т. д.), баночки с соком и газированными напитками, консервированными фруктами, маринованными огурцами, бутылки с водкой.

Особое место рядом с крестами занимали специально испеченные «лествицы» (песочные печеня, изготовленные в виде лестницы). Символика вознесенской лестницы-лестницы тесно связана с образами гор, восхождения к небу. Некоторые участники вознесенского ритуала поясняли, что Христос поднялся на небо по лестнице.

К 7 часам к подножию прибыли машины с главными китайскими руководителями местного уровня. Поднявшись пешком около 100 м к вершине и встав напротив крестов на расстоянии около 1,5–2 м, шесть прибывших чиновников в окружении верующих начали церемонию. Ритуал открыло «официальное» моление китайских чиновников о дожде и хорошем урожае. Вначале они возложили перед крестами свои приношения — «чушкину голову» на блюде, закрытую полиэтиленовой пленкой, тарелки с фруктами и выпечкой, также запакованные. Приношение в виде головы животного (свиньи, быка, барана) — типичный элемент традиционного китайского ритуала обращения к высшим силам. Разместив приношения, они, поднося соединенные ладони к подбородку, произнесли молитвы — каждый негромко проговаривал свой умиловительный текст о природном благоденствии и урожае, столь же традиционно китайский, как свиная голова на алтаре. Контраст с тем, что в данном случае она находилась перед православными крестами, не смущал никого из присутствующих.

Важную сопровождающую роль в этой части ритуала играли «старушки» — бабушки-полукровки из Караванной: они стояли рядом с чиновниками, и каждая на свой лад вслух молилась о дожде и урожае, причем по-китайски — чтобы было понятно начальству. Общая обстановка была вполне непосредственной, без выраженного чинопочитания. По ходу общей молитвы одна из пожилых участниц быстро омыла принесенную небольшую икону в ведре, а затем окунула в него веник из ветвей черемухи и начала крестообразными движениями вверх-вниз и справа-налево обрызгивать присутствующих водой, приговаривая по-русски: «На дождь, на здоровье». Все послушно склоняли голову, принимая капли влаги из ведра, в котором была омыта икона. Кланявшийся брызгам русский негромко пояснил, что в силу кропления «все верят, и китайцы верят, а как же...».

Несколько «старушек» споро омыли принесенные иконы в других ведрах и разлили воду по стаканчикам и пластиковым бутылкам, передавая их окружающим — и начальству, и простым верующим. Все с готовностью пригубили по несколько глотков. Завершив, участники опустились на колени и еще раз каждый на свой лад повторили молитвы. При этом китайские руководители подносили ладони к подбородку и кланялись, а остальные крестились и кланялись.

После получасового соучастия в церемонии делегация официальных лиц уехала на следующие горы в сторону деревни Ернишной. В машину вместе с ними сели две русские «старушки», которые на каждой крестовой горе повторяют обряд. За первую половину дня местные китайские руководители объезжают все семь крестовых гор, где совершают однотипный ритуал.

После отъезда начальства церемония приняла полностью неформальный характер, основанный на личной инициативе каждого присутствующего. Люди молились, продолжали вязать на кресты пелены — в знак благодарности или просьбы

к вышним силам, по обету, а также как выражение личной набожности. Быстро разобрали и съели находившееся под крестами печенье. По стаканчикам разливали из ведер уже не только освященную иконами воду, но и водку из бутылок.

Омовение на поклонной горе икон водой перед крестами является важной частью обряда. Согласно представлениям, вода становится святой и обладает чудодейственной силой. Оставшуюся в ведрах после кропления и питья воду уносят домой, разливают по емкостям, ставят их рядом с божницами и далее в течение года используют воду качестве целебного средства и апотропея. «Опрыскам избу, в ограде, окошки опрыскам... Все опрыскам, господи».

После завершения близ крестов ритуальных действий часть верующих ушла. Около трети участников разного возраста и пола расположились на земле метрах в тридцати от крестов ниже по склону. Собрали возложенные у подножия крестов дароприножения, расставили их на расстеленных на траве скатертях, а затем дружно все съели, напитки выпили. После щедрой трапезы и взаимных тостов за здоровье и дружбу гуляния продолжились. Достали баян, одна за одной зазвучали советские песни 1950–1960-х годов, припевки (частушки) на русском и китайском языках, китайские песни тех же лет. Не смущали участников и припевки, нередко «соромские» (срамные). Песни сопровождались русскими народными танцами, исполняемыми под веселый смех и подбадривание танцоров. Русская речь мешалась с китайской, создавая неповторимый колорит трехреченского праздника.

С вершины Вознесенской горы открывается впечатляющий вид на бескрайние просторы Большого Хингана, широкую речную долину, деревенские дома, уходящие вдаль змейки дорог. Над головой простирается синее небо, глубокое в своей первозданной чистоте. Звонящую тишину нарушает лишь звук трепещущих под порывами ветра лент и радостные голоса соединенных общим настроением единомышленников. Присутствие на вершине горы поблизости от обращенных к небу крестов с развевающимися на ветру пеленами, молитвы и обрядовые действия создают особую психологическую атмосферу выхода за границы повседневной реальности и причастности к внеобыденной возвышенной реальности.

К полудню общий цикл обрядовых действий подошел к концу. Наведя на ритуальном месте порядок и чистоту, присутствующие отправились вниз по склону к оставленным у подножия машинам, унося с собой емкости со святой водой и чувство причастности к необыденному измерению жизни.

Заключение

Потребность в причастности к необыденному измерению жизни — одна из универсалий человеческой психики. Пребывание на вершине господствующей над земным пространством горы, выше которой только небо, создает благоприятную среду для реализации этой потребности. Поклонные, крестовые горы Трехречья органично сочетаются с этими глубинными побуждениями человеческой психики. Укорененные к культе гор базисные побуждения психики лежат ниже этнокультурных барьеров, фундируя общность народов. На общечеловеческий базис накладываются, усиливая переживания и мотивации, разные в своем происхождении религиозные идеи — русские, китайские и др. Они оформляют базисные интенции, делают их доступными для понимания и выражения в оболочке этни-

ческих культур. Однако внешняя форма религиозных идей в религиозном опыте переживания инаковости второстепенна по отношению к главному смыслу — причастности к инобытию.

Обращение с вершины горы к небу и небесным силам с просьбой о земном благополучии — одна из универсалий ритуального поведения. Этнокультурные оболочки ритуального поведения, как отмечено выше, второстепенны. Но они значимы для функционирования религии. Неустранимой данностью является то, что религия везде и во все времена существовала в конкретных социокультурных обстоятельствах и в тесной связи с особенностями этнической психологии ее носителей. В Трехречье коллективные ритуальные действия на крестовой Вознесенской горе непротиворечиво для русско-китайских жителей и власти вписаны в прагматический контекст обеспечения экономического благосостояния, соответствующего государственной политике и интересам простых граждан. Важными мотивирующими факторами участия властей в ритуалах на крестовых горах выступают китайский религиозный синкретизм и прагматизм, а также государственная политика поддержки этнокультурной самобытности неханьского населения. Русские, родившиеся в Китае и считающие его своей родиной, ценят традиции «материнской» культуры. Помимо реализации собственно религиозных интенций верующих коллективный ритуал на крестовой горе обеспечивает этнокультурное единство русских. Религиозный культ глубоко интегрирован в общую культурную целостность. Неспроста на горе молитва легко перетекает в частушку, а коленопреклонение сменяется танцем вприсядку. Для русских почитание поклонных гор и отправление там ритуалов является одной из основ сохранения своей этнокультурной идентичности и общности.

Литература

1. Забияко, А. П. (2018), Предельные основания религии, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 34, вып. 4, с. 624–635.
2. Забияко, А. А., Забияко, А. П. и Зиненко, Я. В. (2016), Народное православие русских Трехречья, *Религиоведение*, № 3, с. 121–135.
3. Забияко, А. П. и Забияко, А. А. (2017), *Русские Трехречья: основы сохранения этнической самобытности*, Новосибирск: Изд-во Ин-т археол. и этнограф. Сиб. отд-ния СО РАН.
4. Зиненко, Я. В. (2019), Календарная обрядность русских Трехречья, *Традиционная культура*, т. 20, № 4, с. 97–107.
5. Аргудяева, Ю. В. (2016), *Русские казаки в Трехречье (первая половина XX в.)*, Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та.
6. Кляус, В. Л. (2022), *Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии*, М.: Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького РАН.
7. Забияко, А. П. (2006), Народная религия, в: Забияко, А. П., Красникова, А. Н. и Элбакян, Е. С., *Религиоведение. Энциклопедический словарь*, М.: Академический проект, с. 672–673.
8. Срезневский, И. И. (1846), *Святыища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям*, Харьков: Унив. тип.
9. Русанова, И. П. (1997), Культовые сооружения и жертвоприношения славян-язычников, *История русской культуры (археология и лингвистика). Материалы по археологии России*, вып. 3, с. 47–62.
10. 唐戈. 俄罗斯文化在中国: 人类学与历史研究, 哈尔滨: 北方文学出版社 [Тан, Гэ (2010), *Русская культура в Китае: исследование по антропологии и истории*, Харбин: Север. лит. изд-во].
11. Кляус, В. Л. (2015), «Русское Трехречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры, М.: Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького РАН.
12. 时春丽. 俄罗斯族民族认同研究. 以室韦俄罗斯族民族乡为例. 北京 [Ши, Чуньли (2009), *Исследование национальной идентичности этнических русских: на примере Шивэй — Русской национальной волости*, Пекин].

13. Лян, Чжэ (2016), *Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.)*, М.: Рос. ун-т дружбы народов.
14. 唐戈. 十字架与敖包, 神树: 人类学比较研究. 东北史地. № 4. 页. 44–47 [Тан, Гэ (2006), Крест и обо, волшебное дерево: сравнительное антропологическое исследование, *Северо-восточная история и география*, № 4, с. 44–47].
15. Шляпкин, И. А. (1906), Древние русские кресты. Т. 1: Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы, *Записки отделения Русской и славянской археологии ИРАО*, т. VII, вып. 2, с. 49–84.
16. Панченко, А. А. (1996), Почитание каменных крестов на Северо-Западе России, *Живая старина*, № 3, с. 40–43.
17. Шахнович, М. М. и Бельский, С. В. (2009), «Новгородские» каменные кресты западного Приладожья, *Свод археологических источников Кунсткамеры*, вып. 2, отв. ред. Хлопачев, Г. А., СПб.: Изд-во Музея антропол. и этнограф. им. Петра Великого, с. 176–185.
18. Чумакова, Т. В. и Шахнович, М. М. (2016), Почитание камней в повседневной культовой практике (по материалам докладов исследовательской группы по изучению бытового православия и религиозного синкретизма под руководством Н. М. Маторина. 1933—1934 гг.), *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, т. 7, вып. 9 (53). <https://doi.org/10.18254/S0001320-1-1>
19. Кайгородов, А. М. (1970), Русские в Трехречье, *Советская этнография*, № 2, с. 140–149.

Статья поступила в редакцию 18 декабря 2023 г.;
рекомендована к печати 2 июля 2024 г.

Контактная информация:

Забияко Андрей Павлович — д-р филос. наук, проф.;
<https://orcid.org/0000-0002-6128-4401>, sciencia@yandex.ru
Забияко Анна Анатольевна — д-р филол. наук, проф.;
<https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>, a.a.sciencia@yandex.ru
Чжан Жуян — канд. филол. наук;
<https://orcid.org/0000-0002-1523-7321>, zhangruiyang@ncwu.edu.cn

The Cult of the Cross Mountains in the Three Rivers*

A. P. Zabiya¹, A. A. Zabiya¹, Zhang Ruiyang²

¹ Amur State University,

21, Ignatievskoe shosse, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation

² North China University of Water Resources and Electric Power,

61, North Ring Road, Zhengzhou, Henan, 450045, People's Republic of China

For citation: Zabiya A. P., Zabiya A. A., Zhang Ruiyang. The Cult of the Cross Mountains in the Three Rivers. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 3, pp. 536–549. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.314> (In Russian)

Throughout history, mountain landscapes have participated in the formation of images of reality. Mountains are a constant of human existence; their image is a universal of consciousness. One of the expressions of this reality is religious and mythological ideas about mountains and practices associated with them. The article is devoted to the cult of mountains that exists among Orthodox believers in the Russian Three Rivers region. The Russian Three Rivers region is usually called the area of compact residence of Russians located in the People's Republic of China. The article is based on field research materials (2015–2019, Northeast China). In the spiritual culture of the Russian population of the region, religious and mythological ideas

* The research was carried out with the financial support of the federal academic leadership program Priority 2030, FZMU-2022-0008, no. 1022052600017-6.

about the holy mountains are preserved. In the sacred topography of Three Rivers, there are seven holy mountains. Orthodox crosses are installed on each holy mountain. Therefore, these mountains are also called “the Cross Mountains”. Modern Russian residents climb the Cross Mountains on some Orthodox holidays. A visit to the Cross Mountains is almost mandatory on the Ascension Day. This custom is deeply rooted in the culture of Russian residents as an important event in religious life along with Easter and Christmas. Believers often climb the Cross Mountains during illness, misfortune, or drought to pray for deliverance from trouble. The Chinese authorities do not interfere with the veneration of the Cross Mountains and the performance of sacred rites there. In Three Rivers, collective ritual actions on the Cross Mountains are consistently included for Russian and Chinese residents in religious syncretism, which combines the traditions of Russian and Chinese folk religion. The veneration of the Cross Mountains and the performance of rituals there is one of the foundations for Russians to preserve their ethno-cultural identity.

Keywords: China, Russia, Three Rivers, Russians, Chinese, cult of the mountain, Orthodoxy, folk religion, ethno-cultural identity.

References

1. Zabiyako, A. P. (2018), The Ultimate Foundations of Religion, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 34, no. 4, pp. 624–635. (In Russian)
2. Zabiyako, A. A., Zabiyako, A. P. and Zinenko, Ya. V. (2016), Folk Orthodoxy of the Russians of the Tryokhrech'ye, *Religiovedenie*, no. 3, pp. 121–135. (In Russian)
3. Zabiyako, A. P. and Zabiyako, A. A. (2017), *Russian of the Tryokhrech'ye: the basics of preserving ethnic identity*, Novosibirsk: Institut arkhologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia RAN Publ. (In Russian)
4. Zinenko, Ya. V. (2019), Calendar rituals of the Russians of the Tryokhrech'ye, *Tradicionnaya kul'tura*, vol. 20, no. 4, pp. 97–107. (In Russian)
5. Argudyaeva, Ya. V. (2016), *Russian Cossacks in the Tryokhrech'ye (first half of the 20th century)*, Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. (In Russian)
6. Klyaus, V.L. (2022), *Russian folklore on the hills of Manchuria. Research, texts, comments*, Moscow: Institut mirovoi literatury imeni A. M. Gor'kogo RAN Publ. (In Russian)
7. Zabiyako, A. P. (2006), Folk religion, in: Zabiyako, A. P., Krasnikov, A. N. and Elbakyan E. S. (eds), *Religiovedenie. Entsiklopedicheskii slovar'*, Moscow: Akademicheskii proekt Publ., pp. 672–673. (In Russian)
8. Sreznevskij, I. I. (1846), *Sanctuaries and rituals of pagan worship of the ancient Slavs according to contemporary evidence and legends*. Kharkiv: Universitetskaia tipografiia Publ. (In Russian)
9. Rusanova, I. P. (1997), Religious buildings and sacrifices of the pagan Slavs, *Istoki russkoi kul'tury (arkheologiya i lingvistika). Materialy po arkheologii Rossii*, vol. 3, pp. 47–62. (In Russian)
10. Tan, Ge (2010), *Russian culture in China: a study in anthropology and history*, Harbin: Northern literature Publishing House. (In Chinese)
11. Klyaus, V.L. (2015), “Russian Tryokhrech'ye” of Manchuria: *Essays on folklore and traditional culture*, Moscow: Institut mirovoi literatury imeni A. M. Gor'kogo RAN Publ. (In Russian)
12. Shi, Chunli (2009), *Study of the national identity of ethnic Russians: using the example of Shiwei – Russian national volost*, Beijing. (In Chinese)
13. Lyan, Chzhe (2016), *Orthodoxy in the context of modern Russian-Chinese interaction (1949–2015)*, Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ. (In Russian)
14. Tan, Ge (2006), Cross and obo, magic tree: a comparative anthropological study, *Northeastern history and geography*, no. 4, pp. 44–47. (In Chinese)
15. Shlyapkin, I. A. (1906), Ancient Russian crosses, vol. 1: Novgorod crosses before the 15th century, motionless and not of church service, *Zapiski otdeleniia Russkoi i slavianskoi arkheologii IRAO*, vol. VII, iss. 2, pp. 49–84. (In Russian)
16. Panchenko, A. A. (1996), Veneration of stone crosses in North-West Russia, *Zhivaia starina*, no. 3, pp. 40–43. (In Russian)
17. Shahnovich, M. M. and Bel'skij, S. V. (2009), “Novgorod” stone crosses of the western Ladoga region, in: *Svod arkheologicheskikh istochnikov Kunstkamery*, iss. 2, ed. in chief otv. red. Khlopachev, G. A., St. Petersburg: Izdatel'stvo Muzeia antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo Publ., pp. 176–185. (In Russian)

18. Chumakova, T. V. and Shahnovich, M. M. (2016), Veneration of stones in everyday religious practice (based on the reports of the research group for the study of everyday Orthodoxy and religious syncretism under the leadership of N. M. Matorin. 1933–1934), *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"*, vol. 7, iss. 9 (53). Available at: <http://history.jes.su/s207987840001320-1-1> (accessed: 12.11.2023). (In Russian)
19. Kajgorodov, A. M. (1970), Russians in Trekhrechy, *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 140–149. (In Russian)

Received: December 18, 2023

Accepted: July 2, 2024

Authors' information:

Andrey P. Zabiako — Dr. Sci. in Philosophy, Professor;
<https://orcid.org/0000-0002-6128-4401>, sciencia@yandex.ru
Anna A. Zabiako — Dr. Sci. in Philology, Professor;
<https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>, a.a.sciencia@yandex.ru
Zhang Ruyang — PhD in Philology;
<https://orcid.org/0000-0002-1523-7321>, zhangruiyang@ncwu.edu.cn